

Оксана Манеева

НЕ СЕРИАЛЬНЫЙ ВАМПИР

или брачный контракт
на кровь

18+

Оксана Шапеева

Не сериальный вампир, или Брачный контракт на кровь

Серия «Эльфийские сказки», книга 3

<https://litres.ru/74083934>

SelfPub; 2026

Аннотация

Евгения — обычная девушка с Земли. Вампиров она встречала лишь на страницах любимых фэнтезийных романов. И тут в один из дней она попадает на глаза подручному влиятельного вампира Аллихарда, который втайне от мирового сообщества Умбиуля похищает людей для продажи на теневом рынке.

Мир Умбиуль давно отказался от устаревших методов. Теперь в Хаммисте нет охотников и жертв. Однако Аллихард презирает новое поколение вампиров и успешно поддерживает древние методы, не брезгуя и плотской игрой с закусками.

Теперь Евгении предстоит бороться за жизнь и свободу, даже если эта свобода будет зависеть от другого более гуманного вампира Сайласа. Но кто из них более опасен? Не совершает ли она ошибку, поверив Сайлосу — одному из создателей компании «Донорам ДА», ведь договор, что он предлагает подписать, имеет свои подводные камни?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Похищение	11
Глава 2. Красная цена	18
Глава 3. Чужой среди хищников	25
Глава 4. Предложение	32
Глава 5. Печать лжи	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Оксана Шапеева

Не сериальный вампир, или Брачный контракт на кровь

Пролог

Логово Аллихарда

Кровь остывает за три минуты. Аллихард знал это с точностью до секунды — восемьсот лет практики, как-никак. Он повернул хрустальный бокал, наблюдая, как тёмно-вишнёвая жидкость медленно стекает по стенкам, оставляя маслянистый след. Идеальная температура. Идеальная густота. Молодая, сочная, с лёгкой ноткой страха — её брали в тот момент, когда донор понял, куда попал. Адреналин придаёт крови ту самую пикантность, которой нет и не будет в той бурде, что предлагает корпорация «Донорам ДА»

Особняк гудел привычной тишиной. Высокие стрельчатые окна выходили на ночной Хаммист — неоновые огни, летящие аэромобили, голографические шпили, пронзающие тучи. Город никогда не спал. Как и Аллихард. Восемь веков бодрствования приучают ценить минуты, когда можно просто сидеть в кожаном кресле с бокалом и никуда не спешить.

В окнах отражался его силуэт. Взгляд зацепился за ста-

рый шрам на щеке — работа Сайласа. Пальцы едва коснулись рубца на коже и одёрнулись, словно обжигаясь. Семьдесят лет прошло после той битвы, но он помнил тот удар клинком из чёрного льда. Самый смертоносный для вампира. Регенерация останавливается полностью, уязвимость падает на уровень с людьми.

Аллихард отпил глоток. Кровь обожгла горло приятной прохладой, разлилась по венам тяжестью, как дорогое вино.

«Идиот. Сто пятьдесят лет, а он всё пытается строить новый мир. Сколотил свою маленькую компанию, нанял людей, платит им зарплату — будто они равные. Корпоративная этика. Взаимное уважение. Идиотская сентиментальность», — размышлял он, а затем ударил бокалом по столешнице, — он думает, что если надеть костюм и подписать документы, то зверь исчезнет. Что мы станем цивилизованными. Торговцами. Менеджерами. Нет, Сайлас. Ты просто забыл, кто ты на самом деле. Мы — хищники. Мы — вершина. Всё остальное — корм. Так было всегда, и никакие контракты и кодексы не изменят этого».

Аллихард перевёл взгляд на бокал. Кровь почти кончилась. Он прищёлкнул языком — на дне осталась едва заметная алая плёнка, которая отражала потолочную люстру.

«Новое поколение — жалкое зрелище. Выращенные в инкубаторах, воспитанные на лекциях по этике, они верят, что можно быть вампиром и не охотиться. Они стыдятся своей природы. Прячут клыки за искусственными коронками,

пьют донорскую кровь из пакетов, как лекарство, и называют это «прогрессом». Тьфу. Тьфу, Сайлас. Это ты придумал всю эту корпоративную чушь. Ты и твои друзья из Совета. Они называют меня «пережитком», потому что я отказываюсь играть по их правилам».

Он резко откинулся в кресле, запрокинув голову. Красные глаза уставились в лепной потолок, где ангелы с перебитыми крыльями держали тяжесть свода.

«Но я терпелив. Восемьсот лет терпения — это что-то значит. Каждый из них когда-нибудь сорвётся. Они все сорвутся, потому что голод не уходит. Голод — это природа. Они могут строить компании, подписывать соглашения, жить в своих сверкающих особняках и считать себя цивилизованными. Но когда голод придёт, когда кровь запоёт в ушах, они вспомнят. Все вспомнят. А я буду смотреть и смеяться. Особенно над тобой, Сайлас. Ты ты особенный. Твоё падение будет самым сладким».

Он перевёл взгляд на темнеющее небо Хаммиста и улыбнулся — той улыбкой, от которой люди в ужасе отступали на шаг. Губы раздвинулись, обнажая клыки. Не длинные, как в старых сказках, но достаточно острые, чтобы перерезать глотку одним движением.

«Но ты не падёшь сам, не так ли? Слишком гордый. Придётся помочь. Придётся показать тебе, что такое настоящая боль. Что ты проиграл. Что твой новый мир — иллюзия. И для этого»

Он не договорил. Дверь в кабинет открылась, и на пороге возникла фигура в чёрном костюме с серебряной застёжкой-стилетом у воротника. Лукас, его личный помощник, вампир помоложе — лет триста, уже сообразительный, но всё ещё боящийся. Это было правильно. Страх — хорошая смазка.

— Войди, — бросил Аллихард, не оборачиваясь. — И без лишнего слюнтяйства. Я ненавижу, когда вы трясётесь, как осиновые листья.

Лукас шагнул внутрь. Он старался выглядеть невозмутимо, но уголки губ подрагивали. Аллихард с лёгким удовольствием отметил, что его запах — чистый адреналин.

— Господин, — произнёс Лукас, — у меня для вас забавная находка. Нашёл её совершенно случайно. Девушка, землянка. Лет двадцати двух, работает в забегаловке в портовом районе. Никаких родственников, никакого влияния. Никто не станет её искать.

Он протянул папку. Аллихард взял её, не глядя, и положил на колени.

— И чем она примечательна, кроме того, что она «закуска»?

— Она — Лукас замялся, подбирая слова, — она работает в заведении, которое посещали сотрудники «Донорам ДА», очевидно проводники. Ведь на Землю порталы запрещены. Но она не знакома с ними лично. Просто официантка. Она

вообще, скорее всего не знает о существовании корпорации и нашего мира. Однако я заметил одну деталь: её фотография попала в общий чат компании, когда кто-то из ваших информаторов снял её у столика с сотрудниками «Донорам ДА». Сайлас, кажется, видел это фото — он как раз проверял отчёты по филиалам. Возможно, он её даже запомнил, потому что она смотрит прямо в камеру и улыбается. Такая открытая.

Аллихард поднял бровь. Он открыл папку и взглянул на снимок — небрежная фотография, сделанная через витрину: девушка с огненно-рыжими волосами, собранными в хвост, держит поднос с кофе. У неё была приятная, ничем не примечательная внешность. Таких в Хаммисте тысячи. Но на её лице — эта беззаботная, искренняя улыбка, которой улыбаются только те, кто ещё не знает, что ночь приносит не только сны.

Аллихард закрыл папку и посмотрел на Лукаса с едва заметным интересом.

— И ты думаешь, Сайлас может её знать?

— Вряд ли лично. Но она — символ. Человек, который ничего не боится, который даже не подозревает, что рядом с ним ходят те, кого стоило бы бояться. Если Сайлас увидит её в новостях или, скажем, в подвале вашего особняка, он поймёт, что все его усилия по защите людей — пустая трата времени. Мы можем взять любого человека в любой момент. А он даже не в силах защитить одну официантку, а тем более

иномирянку.

Аллихард откинулся в кресле и задумчиво погладил подбородок. Усмешка тронула его губы.

— Хорошо. Очень хорошо. Ты начинаешь мыслить шире, Лукас. Я горжусь тобой.

Он снова открыл папку и долго разглядывал фотографию. Девушка улыбалась, не зная, что на неё смотрят красные глаза, которые уже мысленно сдирают с неё кожу.

— Она подходит, — сказал он наконец. — Не особенная, не избранная. Обычная. Просто человек, который попался на глаза. В этом и сила моего послания. Сайлас построил империю на иллюзии, что люди могут жить в безопасности. А я возьму одну из них — самую обычную — и покажу ему, что безопасность — это миф, который мы, старые вампиры, можем развеять одним щелчком пальцев. — Он посмотрел на Лукаса. — Где она сейчас?

— В своей квартире в старом районе. Одинокая, без охраны, без связей. Мы можем взять её сегодня ночью без шума.

— Нет. Не сегодня. — Аллихард поднялся, подошёл к окну и посмотрел на огни Хаммиста. — Сначала я хочу, чтобы Сайлас узнал о ней. Ненавязчиво, через общие каналы. Пусть увидит её лицо. Пусть запомнит. А когда мы её заберём, я пришлю ему приглашение в мой дом. Официальное, дипломатичное. Как у цивилизованных вампиров, — он усмехнулся. — На дегустацию.

Он развернулся и посмотрел на Лукаса.

— Она — закуска. Но для Сайласа она станет главным блюдом. И я хочу видеть его лицо, когда он войдёт в зал и увидит её на моём столе. Или ещё лучше — когда он поймёт, что опоздал. Что я уже получил своё удовольствие.

Лукас склонил голову.

— Будет исполнено, господин.

Он уже почти вышел, когда Аллихард окликнул его:

— Лукас. И проследи, чтобы она не пострадала до моего личного визита. Мне нужна её улыбка. Целой. Она должна улыбаться, когда войдёт в мой дом. А потом мы посмотрим, как быстро она перестанет это делать.

Лукас вышел. В кабинете снова стало тихо.

Аллихард опустил в кресло и взял фотографию. Девушка на снимке — пустое место, которое наполнится его заботой. Он представил, как Сайлас будет стоять на пороге, как его глаза расширятся, когда он увидит её, и как в них мелькнёт тень той же беспомощности, что была когда-то на дуэли.

— Ты думаешь, что люди — это партнёры, Сайлас. Я докажу тебе, что люди — это еда. И не важно, кто она — дочь короля или уборщица из забегаловки. Ты не можешь защитить всех. Даже одну.

Аллихард поднёс фотографию к губам и провёл кончиком клыка по матовому изображению, оставляя царапину на краске поперёк лица девушки.

— Ты узнаешь её, Сайлас. И я узнаю твою боль. Она будет вкуснее, чем кровь. Намного вкуснее.

Глава 1. Похищение

Земля, г. Ижевск

Осень в этом году пришла рано. Евгения зябко повела плечами, поправляя пальто, когда вышла на утреннюю прохладу. Путь её лежал в кофейню «Уголок». Она на мгновение зажмурилась, привыкая к серому небу, которое давило на город одинаково ровным светом — ни солнца, ни туч, просто бесконечная белесая пелена.

Ветер гнал по асфальту обрывки газет и сухие листья. Город просыпался медленно, сонно, как старый пёс, которому лень подниматься. Дома на главной улице были однообразными — двух- и трёхэтажные здания с облупившейся штукатуркой, редкие витрины магазинов и бесконечные рекламные вывески, кричащие о скидках и акциях. Евгения прошла мимо аптеки, продуктового, ларька с шаурмой и остановилась у пешеходного перехода, ожидая зелёного сигнала.

Всё то же самое. Каждый день одно и то же. Она знала этот маршрут до каждой трещины на асфальте, до каждого шума — механического, назойливого, монотонного. Но это было привычно. Даже уютно по-своему.

Стеклянная дверь с глухим стуком захлопнулась за спиной, погружая в запах свежесваренного кофе.

— Жень, сегодня смена до восьми! — крикнула Марина, уже открывающая кофейню. В голосе сквозила привычная

бодрость, которую Евгения не могла разделить в это время суток.

— Угу, — отозвалась она, не оборачиваясь. — Я помню.

Кофейня «Уголок» была маленькой, душной и всегда пахла корицей и мокрыми тряпками. Сюда заходили одни и те же лица — пенсионеры, студенты, дальнбойщики, которым город был нужен только как точка на карте. Евгения знала их заказы наизусть.

— Доброе утро, Анна Павловна. Обычный капучино?

— Доброе, Женечка. Да, милая, как всегда.

Анна Павловна — пожилая учительница, ушедшая на пенсию десять лет назад и с тех пор проводящая каждое утро в кофейне. Она любила рассказывать о своих котах и о том, как погода влияет на её суставы. Евгения слушала, кивала, наливала пенку в керамическую чашку и улыбалась — той тёплой, дежурной улыбкой, которую натренировала за пять лет работы.

К полудню кофейня заполнилась. Люди спешили, жестикулировали, говорили по телефону, стучали пальцами по столам, раздражённо сверяя часы на телефонах. Евгения скользила между столиков с подносом, автоматически выполняя заказы. Она слышала обрывки разговоров о политике, о пробках, о скидках в гипермаркете, о том, что у кого-то умерла собака, а у кого-то родился ребёнок. Её уши впитывали эти звуки, но мозг их фильтровал — слишком много информации, слишком мало смысла.

Всё это было похоже на белый шум. И она была его частью.

В обеденный перерыв Евгения вышла на задний двор, где стоял продавленный металлический стул и пластиковый столик, заваленный коробками. Там пахло сыростью и картоном. Она села, достав из кармана потрёпанную книгу в мягкой обложке — переиздание старого фэнтези-романа. «Наследие полуночи» — на обложке был изображён мужчина в чёрном плаще, стоящий на башне, и женщина в его руках. Вокруг свивались туманы, и от картинки веяло такой нелепой, такой желанной выдуманной драмой, от которой захватывало дух.

«Где ты, мой вампир?» — прочитала она про себя название главы и усмехнулась.

Пять лет назад она запоем читала подростковые романы о бессмертных существах, живущих среди людей, прячущихся в ночи, пьющих кровь, но способных на вечную любовь. Потом это стало смешным, потом — привычкой. А теперь она перечитывала их как уютное одеяло, в которое можно завернуться после долгого дня. Книги не ввали. Книги не требовали улыбаться. Книги были безопасны.

Она открыла страницу и провалилась в текст. Там был красивый, холодный вампир, который боролся с проклятием своей природы, и простая девушка, которая смотрела на него с такой любовью, что это было почти невыносимо читать. Евгения тихо вздохнула, провела пальцем по строчкам

и закрыла глаза на мгновение.

«Мечты. Сказки. Никому не нужны такие, как я. У меня ничего нет. Ни семьи, ни близких. Просто работа и четыре стены. Даже кота завести не могу — в квартире запрещены животные», — подумала она, а затем резко захлопнула книгу. Спрятала её в сумку и вернулась за стойку.

К вечеру город почти опустел. Огни витрин зажглись раньше обычного, словно пытаюсь обмануть наступающую тьму. Осенний ветер стал резче, и Евгения зябко запахнула пальто, когда вышла из кофейни в восьмом часу. Кошелёк весил приятно — сегодня было много чаевых.

Она шла домой привычным маршрутом. Узкая улочка с пожелтевшими клёнами, редкие фонари, темнеющие силуэты домов. Тишина, нарушаемая только её шагами и далёким шумом машин на объездной дороге.

Именно в этот момент она заметила его.

Он стоял у припаркованного внедорожника на другой стороне улицы. Высокий, стройный, в длинном чёрном пальто, почти неразличимый в сумерках. В руках у него был огромный пакет с кормом для животных — Евгения узнала его по яркому логотипу зоомагазина на боку. Рядом, на поводке, сидел маленький щенок, чёрный, лохматый, с ушами, которые смешно торчали в стороны. Щенок смотрел на неё с любопытством и вилял хвостом.

— Простите! — окликнул её мужчина тёплым и друже-

любным голосом. — Извините, что беспокою. Вы не могли бы мне помочь? Только на секунду.

Он говорил с лёгким акцентом, но очень чисто. Евгения остановилась, инстинктивно улыбнувшись — щенок был слишком милым, чтобы не улыбнуться в ответ.

— Да, конечно, — ответила она, подходя ближе. — Что случилось?

— Я приехал за кормом, а машина, как назло, заело багажник. Нужно просто открыть с другой стороны — дверь заклинило, но если нажать одновременно с моей стороны, то она откроется. А у меня руки заняты, и щенок, — он виновато улыбнулся. — Мне просто не хватает пары секунд.

Евгения оглядела машину. Новенькая, тёмная, с тонированными стёклами. Таких в городе было мало. Она вдруг на мгновение почувствовала странное напряжение, которое так же быстро ушло, когда щенок заскулил и вильнул хвостом сильнее.

— Конечно, я помогу, — сказала она, подавляя сомнения. — Идёмте.

Она подошла к машине. Мужчина открыл заднюю дверцу и поставил пакет с кормом на сиденье, одновременно наклоняясь к багажнику, показывая, где надо нажать. Всё выглядело естественно, обычно, как сотни раз в её жизни, когда она помогала людям.

Рука мужчины скользнула по её плечу, словно поддерживая, и в следующую секунду что-то щёлкнуло.

Евгения почувствовала, как холодное облако коснулось её лица — резкий, сладковато-горький запах, от которого закружилась голова. Она попыталась отшатнуться, но рука мужчины уже держала её за затылок, мягко, почти нежно прижимая к себе.

— Тшшш — прозвучал его голос, теперь без улыбки, почти безжизненный. — Всё будет хорошо. Просто поспи.

Улица начала расплываться. Фонари вытянулись в длинные оранжевые полосы, щенок исчез, растворился, словно его и не было. В ушах шумело, а мышцы отказались слушаться.

Последнее, что она увидела, — мужчина, который ловко подхватил её на руки и аккуратно уложил на заднее сиденье машины. И её книга — «Наследие полуночи» — выпала из сумки на асфальт, открывшись на той же странице о вампире, который защищал девушку от такой же тьмы.

— Вот дура, — услышала она чей-то смех, далёкий-далёкий, как из колодца. — Книжки про вампиров читаешь а зря. Сейчас ты встретишься с настоящими.

И всё потемнело.

Где-то в Хаммисте, в высоком особняке, Аллихард допил свой бокал и посмотрел на фотографию, которую ему принесли несколько часов назад. На снимке была та же девушка, улыбающаяся в камеру через стекло витрины. Он не знал, что именно в этот момент она уже была в пути и внутри него

зажглось чувство предвкушения.

Он отставил бокал и улыбнулся — той улыбкой, от которой люди, даже с закрытыми глазами, начинают кричать во сне.

— Скоро увидимся, моя дорогая, — произнёс он в темноту кабинета. — Скоро. А пока отдохни. Собирайся с силами. Ты нужна мне в идеальном состоянии. Сайлас будет ждать тебя. Он уже слышал о тебе, даже если не знает, что ты уже в моих руках.

Он протянул руку к графину, но не налил крови.

Он налил себе вино — человеческое, безвкусное, светлое. И поднял бокал в жесте тоста.

— За новый мир, Сайлас. За твою боль. И за закуску, которая войдёт в историю как начало твоего конца.

Глава 2. Красная цена

Она очнулась от собственного крика — но звука не было. Горло перехватило спазмом, и вместо вопля вырвался лишь сиплый хрип. Евгения судорожно втянула воздух, лёгкие обожгло холодом, а в нос ударила смесь запахов: сырой бетон, машинное масло, железо и что-то сладковато-гнилостное, отчего к горлу подкатила тошнота.

Она лежала на чём-то твёрдом и ледяном. Глаза медленно привыкали к тусклому, зеленоватому свету, сочившемуся откуда-то сверху. Евгения попыталась сесть — и ударилась затылком о металлический прут.

Клетка. Она была в клетке. Толстые стальные прутья уходили в бетонный пол и терялись в тени потолка. Рядом, в такой же клетке, сидела девушка, забившаяся в угол с белыми, немигающими глазами. Её губы беззвучно шевелились — она молилась. С другой стороны, на полу, свернувшись калачиком, лежал мужчина в окровавленной рубашке. Он не шевелился. Или спал. Или

«Это сон. Это просто дурной сон», — подумала Евгения, вцепившись пальцами в холодный металл. Она попыталась сдвинуть прутья — бесполезно. Тогда она встала на ноги, чуть шатаясь, и оглядела место.

Евгения находилась в огромном помещении, похожем на подземный склад. Сводчатый потолок терялся во тьме, а

вдоль стен тянулись ярусы галерей из грубой стали. С этих галерей свисали такие же клетки, как её, — десятки клеток, в каждой из которых сидели, лежали или стояли люди. Некоторые тихо плакали, другие забились в углы и не шевелились.

Но самое страшное двигалось по галереям.

Евгения прижалась к прутьям, пытаясь разглядеть. Между рядами клеток ходили фигуры. Они двигались плавно, почти неслышно, хотя их обувь должна издавать громкие звуки, ведь под ногами металл. Они были разного роста и сложения, но у всех была одна общая черта, от которой у Евгении похолодели руки: в тусклом свете их глаза горели алым. Красным, как раскалённые угли. Без зрачков.

«Галлюцинации. Это всё галлюцинации, я ударилась головой, меня накачали наркотиками. А может я вообще мертва и это мой ад?» — лихорадочно думала она. Но когда один из них — тощий, как скелет, в чёрном кожаном плаще — остановился напротив клетки с женщиной и ткнул в неё пальцем, а двое других открыли дверцу и выволокли жертву за волосы, Евгения услышала крик. Настоящий, человеческий крик, полный такого животного ужаса, что у неё самой подкосились ноги.

Крик оборвался где-то в коридоре — резко, словно его перерезали ножом.

Только тогда до Евгении дошло. Это не сон. Совсем не сон. А она — одна из них, из тех, кого выбирают.

Сверху послышался странный гул — низкий, вибрирую-

ций. Евгения задрала голову и увидела в шахте, прорезанной в бетонном потолке, тень. Над шахтой что-то пролетело — не самолёт, не вертолёт, а вытянутая сигара с мерцающими огнями, которая зависла на мгновение, а потом скрылась, оставив после себя звук, похожий на свист реактивного двигателя, но иной, неправильный. Такого звука она никогда не слышала на Земле.

Где я? — пронеслось в голове. — Куда меня привезли?
— Нравится? — раздался голос за её спиной.

Евгения обернулась так резко, что чуть не упала.

Перед ней стоял мужчина. Высокий, плотный, с седыми, зачёсанными назад волосами и аккуратными бакенбардами. Одет он был странно — в тёмно-бордовый пиджак из бархата поверх чёрного жилета, с золотыми запонками. Выглядел он как старый аристократ, сошедший со старинной гравюры. Но его лицо... крупный нос, мясистые губы, сложенные в лёгкую усмешку, и длинный шрам на правой щеке, пересекающий кожу. А главное — глаза. Ярко-красные, без намёка на зрачки или радужку. Две светящиеся алые бездны, которые смотрели на неё, и в этом взгляде не было ничего человеческого.

Она попятилась, ударилась спиной о прутья и закричала, наконец вырвав из себя звук:

— Кто вы?! Что вам нужно?! Отпустите меня!

Мужчина не сдвинулся с места. Он спокойно поправил запонку, и его голос — низкий, бархатистый, почти ласковый — разнёсся над тишиной ангара:

— Ах, какие громкие звуки. Мне нравится. Ты мне нравишься. Я сам выбрал тебя из тысячи. И это для тебя будет честью.

Он сделал шаг ближе, и Евгения почувствовала, как по телу пробежал ледяной озноб, хотя между ними были прутья. Он приблизился к решётке и теперь стоял так близко, что она видела каждую морщинку на его бледной коже.

— Отвечаю на твои вопросы, — продолжил он, склонив голову набок. — Я тот, кто забрал тебя из твоего уютного мирка. Того самого, где люди думают, что они — венец творения. Смешно, правда?

Евгения попыталась взять себя в руки. Она не знала, кто он, что это за место, но инстинкт самосохранения заставил выдавить и почти прохрипеть слова.

— Послушайте... у меня есть семья, работа... если вы хотите денег, я...

Он рассмеялся. Смех был низким, грудным, он звучал как раскат грома в пустом зале. Мужчина запрокинул голову, обнажая длинную шею, на которой пульсировала жилка, и Евгения заметила, что его кожа почти прозрачная, как пергамент.

— Деньги! — выдохнул он, вытирая несуществующую слезу. — О, это лучшее, что я слышал за последнее столетие. Ты думаешь, меня можно купить за бумажки? — Он резко оборвал смех, и в его голосе появилась сталь. — Нет, дорогая. Здесь, в этих стенах, деньги не имеют значения. Здесь

ценятся другие вещи. Твоя кровь, например. Твой страх. Твоя жизнь.

Он провёл пальцем по прутьям, и Евгения заметила, как металл словно бы посерел там, где он коснулся его.

— Ты не понимаешь, где оказалась, верно? — спросил он, и в его голосе зазвучало снисхождение. — Смотри.

Он щёлкнул пальцами, и откуда-то из тени вышел ещё один — высокий, в чёрной коже, с такими же алыми, пустыми глазами. Он подошёл к соседней клетке, где сидел пожилой мужчина, и просто протянул руку сквозь прутья. Его пальцы прошли сквозь сталь, будто она была водой. Евгения ахнула. Она видела, как эти пальцы сжали горло жертвы, и старик захрипел, а потом обмяк. Существо втянуло воздух, и в тусклом свете Евгения увидела, как его челюсть распахнулась, обнажая два длинных, острых клыка.

Её стошнило. Она согнулась пополам, но желудок был пуст, и вышли только судорожные спазмы.

— Видишь? — раздался голос бархатного аристократа. — Мы не люди. Мы то, что люди называют ночными кошмарами. Но для нас люди — всего лишь скот. Еда. Закуска. — Он помолчал. — Однако, я человек разборчивый. Мне не нужна просто еда. Мне нужна игрушка.

Он снова посмотрел на неё, и Евгения ощутила, как её воля тает под этим алым взглядом. Она попыталась собраться и выкрикнула:

— Я не ваша! Я ничья! Отпустите меня, или... или я буду

кричать, я подниму шум, меня будут искать!

— Искать? — удивился он. — Ты думаешь, что кто-то тебя найдёт здесь? Твой мир, Земля, — для нас просто ферма. Мы забираем тех, кого хотим, и никто никогда не узнает, куда вы исчезаете. Ты теперь не на Земле, девочка. Ты там, где правят те, кто сильнее.

Он шагнул в сторону, и Евгения увидела за его спиной длинный коридор, уходящий в глубину комплекса. Оттуда доносились стоны и звон цепей.

— Но, — он обернулся, и на его мясистых губах заиграла улыбка, — ты мне понравилась. Ты не просто тупая овца, ты пытаешься торговаться, ты пытаешься мыслить. За это я дам тебе привилегию. Ты не пойдёшь в общий загон. Ты будешь жить рядом со мной, в моих покоях.

Он приблизился к самой решётке, и Евгения отшатнулась, но он не пытался коснуться её. Он просто прошептал, и от этого шёпота по коже прошёл мороз.

— Ты будешь моей личной игрушкой. Я буду наслаждаться твоим страхом, твоими попытками сбежать, твоими мольбами. Может быть, ты продержишься неделю. Может быть, месяц. А может, больше... Всё зависит от того, насколько ты будешь... интересной.

Евгения замотала головой, пытаясь не заплакать. Она не знала, что это за место, кто эти твари, но она поняла главное: здесь нет закона, нет помощи, нет выхода. Только она и эти красноглазые монстры.

— Пожалуйста, — прошептала она, срывая голос. — Я не знаю, чего вы хотите... но я сделаю что угодно... только верните меня домой...

— Домой? — он усмехнулся. — Детка, теперь твой дом — я. — Он повернулся к своим подручным и махнул рукой. — Откройте клетку. И проследите, чтобы моя игрушка была доставлена целой и невредимой. Мне не нравится, когда товар портится по дороге.

Лязгнул замок. Двое красноглазых шагнули внутрь, и Евгения вжалась в угол, чувствуя, как её хватают за руки — холодные, словно неживые пальцы сжали её запястья. Её потащили по проходу, мимо других клеток, мимо людей, которые смотрели на неё с тупым равнодушием или ужасом. А за спиной раздавался бархатный голос:

— Добро пожаловать в моё маленькое царство, дорогая. Надеюсь, ты оправдаешь мои ожидания. Прошлая игрушка сломалась за три дня. Посмотрим, на что способна ты.

И когда её вели вглубь подземелья, под гул пролетающих над шахтой неведомых машин, Евгения поняла: она никогда не вернётся домой. И она даже не знает, как называть то, что её окружает. Но одно она знала точно — она в аду, и у этого ада есть лицо. Лицо человека с алыми глазами и бархатным пиджаком.

Глава 3. Чужой среди хищников

Её вели по коридору, который с каждым шагом становился всё вычурнее. Сырой бетон сменился полированным камнем, тусклые лампы — мягким, приглушённым светом, люющим из хрустальных бра. Пол под ногами устилал толстый ковёр с восточным узором, и шаги охранников, тащивших Евгению, утонули в этой роскошной тишине.

Она перестала сопротивляться. Тело онемело, разум отключился, оставив лишь животный инстинкт — идти, не падать, не смотреть по сторонам. Но когда охранники распахнули перед ней высокие двустворчатые двери, она всё же подняла глаза.

Комната оказалась просторной, с низким сводчатым потолком, расписанным фресками, изображавшими сцены охоты. Старые картины в массивных золочёных рамах висели на стенах, но между ними, на крюках и подставках, размещались предметы, от которых у Евгении перехватило дыхание.

На стене — кожаные ремни с пряжками, цепи с каплями засохшей крови, металлические растяжки. На столе, инкрустированном перламутром, лежали хирургические инструменты — скальпели, щипцы, иглы, — разложенные с такой аккуратностью, словно это был столовый сервиз. А с другой стороны лежали плётки, наручники, металлические стерж-

ни и ещё куча всяких приспособлений, о применении которых Женя имела смутное представление. В углу стояло кресло, обтянутое чёрной кожей, с ремнями для рук и ног, а рядом — высокая стойка с прозрачными ёмкостями, в которых плескалась тёмная жидкость. Евгения не хотела знать, что это.

— Уютно, правда? — раздался сзади бархатный голос. Аллихард вошёл следом, мягко ступая по ковру. — Я собирал эту коллекцию два века. Каждый предмет имеет свою историю, свою песню, которую пела закуска.

Он щёлкнул пальцами, и охранники, поклонившись, бесшумно выскользнули, закрыв за собой двери. Евгения осталась с ним наедине.

Она стояла посреди комнаты, не в силах пошевелиться. Аллихард медленно обошёл её, как покупатель, разглядывающий товар. Его красные глаза скользили по её лицу, шее, рукам. Только сейчас она обнаружила, что пальто на ней нет. Остались лишь прямые джинсы и белая блузка с тонким узором на вырезе.

— Ты дрожишь, — заметил он с лёгкой укоризной. — Не надо. Это только портит вкус. Адреналин делает кровь горьковатой. Мне нужна спокойная, тёплая кровь, текущая ровно, как река в летний полдень.

Он остановился за её спиной, и она почувствовала его дыхание — холодное, с металлическим привкусом. Его пальцы скользнули по её плечам, сжали их. Евгения вздрогнула от

прикосновения, но не смогла вырваться. Аллихард же словно нарочно сдвинул пальцы так, чтобы ощутить голую кожу у основания ключицы.

— Ты знаешь, в чём разница между мной и теми молоко-сосами, которые прячут глаза и притворяются людьми? — прошептал он ей на ухо. — Я не стесняюсь своей природы. Я — хищник. А ты — моя добыча. Всё просто.

Он резко развернул её к себе. Его лицо было близко — слишком близко. Шрамы на щеке поблёскивали в тусклом свете, а красные глаза горели, впиваясь в неё. Он провёл пальцем по её щеке, спустился к шее, нащупал пульс.

— Как бьётся, — с наслаждением произнёс он. — Как птичка в силках. Я люблю этот момент, когда понимаешь, что выхода нет. Ты сейчас думаешь: «Может, я смогу его перехитрить? Может, попросить пощады?»

Он засмеялся и легко толкнул её, так что она упала на колени перед креслом.

— Никакой пощады, дорогая. Только игра. Однако, если тебе повезёт, если мне понравится играть с тобой, то я не продам тебя и не выпью до конца. И ещё, я хочу услышать твой крик. Просто из любопытства. В прошлый раз у меня была женщина, которая молчала даже когда я...

Его прервал низкий, нарастающий гул. Звук шёл откуда-то сверху, из глубины комплекса. Сначала он был похож на отдалённый гром, потом превратился в резкий свист, от которого завибрировали стены. Аллихард замер, наклонив

голову, прислушиваясь.

— Что за... — начал он, но не договорил.

Снаружи раздался взрыв — глухой, но мощный. Стекло в люстре звякнуло, и по потолку пробежала трещина. Следом послышался топот, крики, лязг металла. Голоса — жёсткие, командные.

— Штурм! Всем в укрытие! Зачистка сектора!

Аллихард выпрямился, и его лицо исказилось гримасой ярости. Красные глаза вспыхнули ярче.

— Это невозможно... — прошипел он.

Он метнулся к стене, где висело оружие — стальной арбалет с серебряными болтами, но не успел его снять. Двери с грохотом влетели внутрь, сорванные с петель ударом снаружи. В проёме стояли фигуры в чёрной броне. На их грудных пластинах сияла эмблема — капля крови, заключённая в щит. За ними клубился дым.

Аллихард зарычал — низко, зверино, — и бросился вперёд, но их было слишком много.

В этой суматохе кто-то схватил Евгению за руку. Она закричала, но ей тут же зажали рот ладонью, и она увидела перед собой лицо. Человек в броне стянул шлем, и на неё посмотрели серо-голубые глаза, не светящиеся, почти обычные. Тёмно-русые волосы, небрежная прядь упала на лоб. Он поправил тёмные очки, съехавшие на бок. Тонкие губы сжались в линию, запечатывая внутри гнев. Не на неё. На другого.

— Тихо, — проговорил он, и голос его был низким, спокойным, несмотря на хаос. — Я выведу тебя.

Евгения не могла говорить. Её трясло. Но инстинкт выживания подсказал: этот — не с теми красноглазыми монстрами. Она кивнула.

Мужчина развернулся и двумя выстрелами уложил охранника, который попытался преградить им путь из коридора. Пули вошли точно в глаз — даже вампир не выдержал. Тело рухнуло на ковёр, и Сайлас — Евгения не знала его имени, но чувствовала, что он главный — потащил её за собой.

Они бежали по коридорам, мимо горящих обломков, мимо бойцов в чёрной броне, которые зачищали помещения. Где-то позади раздавался яростный рёв Аллихарда и звуки перестрелки.

— Сюда! — Сайлас свернул в технический тоннель, где пахло озоном и машинным маслом. Он открыл люк, и Евгения увидела ночное небо. Над ними, на платформе, стоял аэромобиль — чёрный, обтекаемый, совершенно бесшумно парящий в воздухе. Борта были раскрыты, и оттуда свисали трапы.

Он посадил её, сам запрыгнул следом, и в тот же миг машина рванула вверх, уходя от комплекса, который содрогался от взрывов снизу. Евгения упала на мягкое сиденье и сжалась в комок, глядя в иллюминатор.

Земля уходила вниз. Комплекс был замаскирован под склад, но теперь его крыша была пробита, огонь вырывался

наружу, и чёрные фигуры в броне грузились в другие автомобили, покидая зону. За собой они вели тех немногих из клеток, кто мог ходить. Времени было мало и спасти всех, очевидно, не удавалось.

Евгения перевела дыхание. Её рыжие волосы растрепались и повисли мокрыми грязными сосульками. Она повернула голову к своему спасителю. Тот сидел напротив, проверяя оружие. Его лицо было сосредоточенным, бледным, но не смертельно-бледным, как у тех, в подzemелье. Он выглядел почти человеком.

— Ты... — начала Евгения, но голос предательски сорвался. Она сглотнула. — Ты тоже вампир?

Он поднял на неё глаза. В темноте салона они блеснули — серебристо-ледяным, как зимняя луна, но без красного. Он медленно снял очки, протёр их, и посмотрел на неё уже обычными серыми глазами.

— Да, — ответил он просто. — Но я не пью из живых без спроса. И я не держу людей в клетках. Мне вообще не нужно столько крови

Он убрал оружие в кобуру, и его голос стал тише, мягче, хотя в нём всё ещё звучала командирская жёсткость:

— Ты в безопасности. Мы улетаем. Аллихард не сможет нас догнать — мы подорвали его основные силы. Но он жив, и он будет мстить. Поэтому я везу тебя в безопасное место.

Он замолчал, глядя в иллюминатор. За стеклом простирался ночной город. Евгения прикинула к стеклу и увидела

небо, полное летящих огней — аэромобили, неоновые вывески, высокие башни, уходящие в облака. А вдалеке море. Настоящее разлитое до краёв море. Это был не её мир. Это был мир, о котором она и не подозревала, огромный, чужой, пугающий.

— Как тебя зовут? — спросил он, не оборачиваясь.

— Евгения, — выдохнула она. — Женя.

Он кивнул, и в его глазах мелькнула тень — то ли усталости, то ли печали.

— Меня зовут Сайлас, — сказал он. — Прости, что так вышло. Я должен был защитить. Все доноры корпорации под моей личной защитой. Но, как видишь

Аэромобиль плавно развернулся и полетел над городом, оставляя позади дымящееся логово. И Евгения, глядя на огни Хаммиста, впервые подумала: что же теперь будет?

Глава 4. Предложение

Она не помнила, как оказалась в этом доме. Воспоминания распадались на отдельные кадры: глухой удар закрывающейся двери аэромобиля, холодный ветер, хлеставший в лицо, чьи-то руки, поддерживающие её под локти, и вот она уже сидит в глубоком кресле, укутанная в мягкий плед, а перед ней на стеклянном столике дымится кружка с чем-то горячим.

За окном шумело море. Настоящее море. Женя не нашла в себе силы встать и полюбоваться, но внутренне удивилась, что в её безнадёжной ситуации было хоть что-то хорошее.

Шум волн словно ласкал саму душу. Разум, обезумевший от шока и страха успокаивался, словно от медленных ритмичных струн далёкого инструмента, что так похож на родной.

Евгения смотрела на панорамное стекло, за которым растилась тёмная, бескрайняя гладь. Луна, огромная и бледная, висела над горизонтом, и её серебряный свет дробился на мелких волнах, слегка поблёскивая. Где-то внизу, под обрывом, с глухим ритмом разбивался прибой. Этот звук был единственным, что напоминало ей о реальности. Всё остальное — подземелье, красноглазые монстры, клетки — казалось дурным сном.

Она поднесла кружку к губам. Чай оказался мятным,

сладким, с мёдом. Руки всё ещё дрожали, но тепло разливалось по телу, возвращая чувствительность замёрзшим пальцам.

Сайлас сидел напротив, в кресле у камина. Пламя плясало за стеклянной дверцей, выхватывая из полумрака его лицо — усталое, бледное, но спокойное. Он снял бронежилет, оставшись в простой чёрной рубашке с закатанными рукавами, и выглядел уже не как безжалостный командир, а как человек, который слишком долго не спал.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, не повышая голоса. — Не больно? Не тошнит?

Евгения медленно покачала головой. Говорить не хотелось. Она боялась, что если начнёт, то сорвётся на крик или слёзы, а она не хотела показывать слабость перед этим... вампиром.

— Я... я не понимаю, что произошло, — наконец выдавила она. — Этот человек... Аллихард... он говорил, что я теперь его игрушка. Что он будет пить мою кровь и не только... А потом пришли вы, с этими... с вашими людьми. И теперь я здесь.

Она обвела рукой комнату. Гостиная была огромной, с высокими потолками и деревянными балками. Стены украшали старые карты и чёрно-белые фотографии в строгих рамках. На одной из них я заметила Сайласа рядом с блондином, у которого уши были эльфийскими. Это меня удивило, но уже меньше, чем вампиры.

Мебель — массивная, тёмная, но современная. На полу лежали пушистые ковры, пахло деревом и морем. Это место было полной противоположностью подземного логова.

Сайлас молчал несколько секунд, изучая девушку взглядом. Её испуганный вид, покрасневшие глаза и нотка отчаянной надежды в них. Потом он наклонился вперёд, сцепив руки в замок, и заговорил — медленно, тщательно подбирая слова, как человек, привыкший объяснять сложные вещи людям, которые не хотят их слышать.

— То, что ты видела там, — это теневая сторона моего мира. Того мира, о котором люди на Земле даже не подозревают. Называется он Умбиуль, и город, над которым мы пролетали, — Хаммист. Здесь мы, вампиры, не прячемся в подвалах. Мы живём среди вас, управляем корпорациями, владеем недвижимостью, сидим в Советах. Но не все из нас считают людей равными. Также в Умбиуле есть и другие расы, например, эльфы или драконы.

— Драконы? — с волной просыпающегося ужаса поинтересовалась Женя.

— Да. Но меньше. Гораздо меньше. Драконы обычно предпочитают жизнь в Гарваре Но не об этом сейчас

Он сделал паузу, и в его голосе проскользнула горечь.

— Так вот, Аллихард — старый, очень старый вампир. Ему больше восьмисот лет. Для него люди — скот, который можно покупать, продавать и использовать для пищи или развлечений. У него целые, так называемые фермы... И он,

по совместительству, теневой акционер компании «Донорам ДА» — той самой, где я работаю директором по безопасности.

Евгения нахмурилась.

— Но ты же тоже... вампир. Ты сказал. Зачем тебе защищать людей? Ты же мог быть на его стороне.

В глазах Сайласа мелькнула тень. Он откинулся на спинку кресла и посмотрел в потолок.

— Потому что я не хочу жить в мире, где страх — единственная валюта. У нас есть Совет, есть законы, официально запрещающие насилие над людьми. Но старые семьи, вроде Аллихарда, давно привыкли плевать на правила. Они держат Совет в страхе, подкупают или запугивают голосующих. Аллихард уже трижды блокировал мои инициативы по защите доноров. И теперь

Он резко посмотрел на неё, и Евгения вздрогнула от этого взгляда — серьёзного, почти пронизывающего.

— Он не остановится. Ты видела его, ты слышала его слова. Он считает тебя своей собственностью. И он не простит мне того, что я украл у него игрушку. Даже если я спрячу тебя в самой защищённой крепости, он найдёт способ добрать-ся до тебя. У него ресурсы, связи, деньги. Он может подослать убийц, может начать войну в Совете. Он может просто подождать — год, два, десять, — но он вернётся.

Евгения обхватила себя руками, хотя в комнате было тепло.

— То есть я не могу отправиться домой?

— Можешь. Но он тебя найдёт. — мрачно ответил Сайлас.

— Я не знаю, почему он выбрал именно тебя. Но он найдёт.

— Почему ты просто не оставил меня там? Как тех многих, в клетках? — нахмурилась Евгения.

— Не мог. — произнёс он, и голос слегка надломился. На секунду во взгляде промелькнуло что-то давящее, то что закрыто в самых глубоких недрах памяти.

Она помолчала, переваривая сказанное, а затем снова поинтересовалась.

— Что ты предлагаешь? Оставить меня здесь навсегда? Посадить под замок? Или может быть тоже в клетку?

— Нет, — Сайлас выпрямился, и его голос стал жёстче. — Я предлагаю нечто иное. То, что даст тебе юридическую защиту, которую даже Аллихард не сможет обойти. По крайней мере, открыто.

Он встал, подошёл к столу и достал из ящика несколько листов плотной бумаги, исписанных мелким, каллиграфическим почерком. Вернувшись, он положил их перед ней на столик.

— Фиктивный брак, — сказал он просто, без лишних предисловий и нежностей. Словно перед ней сейчас стоял расчётливый дипломат, а не спаситель жертв.

Евгения уставилась на бумаги, потом подняла глаза на Сайласа. Она не верила своим ушам.

— Ты... ты хочешь, чтобы я вышла за тебя замуж? — не

поверила девушка.

— Пожалуйста, выслушай, — Сайлас поднял ладонь, останавливая её возражения. — В нашем мире брак между вампиром и человеком — это не просто романтический жест. Это юридический статус. Жена-человек получает защиту по всем законам Совета. Её нельзя использовать как донора без её согласия, нельзя держать в неволе, нельзя продавать. Посягательство на жену члена Совета считается тяжчайшим преступлением. Если Аллихард тронет тебя, когда ты будешь носить мою фамилию, Совет будет обязан вмешаться. Даже его влияние не спасёт его от открытого суда.

Он ткнул пальцем в бумаги.

— Контракт. Один год. Ровно через год ты получишь развод, будешь свободна, и я предоставлю тебе защиту ещё на пять лет после этого, если захочешь. Всё это время ты живёшь здесь, в моём доме, в комфорте и безопасности. Ты не обязана выполнять супружеский долг — это строго фиктивный брак. Ты не работаешь донором, никто не будет брать у тебя кровь. Тебе дадут новые документы, если захочешь вернуться на Землю, или ты можешь остаться здесь, в Умби-уле. Но это твой выбор.

Он замолчал, давая ей время осмыслить. Евгения сидела неподвижно, словно замершая ледяная скульптура, и глядела на мелкий шрифт, в котором ничего не понимала. Её голова шла кругом. Шею душил несуществующий шарф.

— Почему ты это делаешь? — тихо спросила она. — Ты

меня не знаешь. Я для тебя никто. Зачем тебе фиктивная жена, если ты можешь просто спрятать меня в другом месте? Или вообще не прятать. Какая тебе разница, что со мной будет?

Сайлас на мгновение задержал дыхание. Он отвернулся к окну, и в его профиле мелькнуло что-то — боль, или вина, или то и другое вместе. Женя не разобрала. Видела только его спину, напрягшуюся под рубашкой.

— Потому что я уже однажды не спас человека, который нуждался во мне, — сказал он почти шёпотом. — Я не хочу повторять ошибок.

Он повернулся, и в его серых глазах на мгновение блеснул ледяной свет — но быстро погас.

— Кроме того, у меня есть свои причины. Аллихард — мой противник. Он публично унизил меня на Совете, он строит козни, и он мешает реформам. Женитьба на человеке даст мне голос в Совете — дополнительный голос, который мне нужен, чтобы перевесить его сторонников. Да, я использую это в своих политических целях. Но твоя защита — не прикрытие. Я даю тебе слово.

Евгения перевела взгляд на контракт. Она взяла бумаги в руки, провела пальцем по гладкой поверхности. Срок — один год. Пункты о свободе, о праве отказаться от любых медицинских процедур, об отдельной спальне.

— И что, если я откажусь? — спросила она, хотя в глубине души уже знала ответ.

— Тогда я сделаю всё, чтобы спрятать тебя, — ответил Сайлас серьёзно. — У меня есть укрытия, есть люди, которые могут вывезти тебя за пределы Умбиуля. Но это будет тюрьма. Другая, но всё равно тюрьма. Ты будешь прятаться годами, бояться каждого шороха, смотреть в зеркало и гадать, не следят ли за тобой. Аллихард не даст тебе покоя. Даже на Земле он сможет до тебя добраться — его сети слишком глубоки.

Она почувствовала, как в груди сжимается комок отчаяния. Выхода не было. Только этот странный, пугающий, невероятный план — стать женой вампира. Настоящего вампира.

— Я не могу думать сейчас, — сказала она, откладывая бумаги. — Это слишком... слишком безумно. Совсем недавно я была у себя. Разносила кофе и читала фэнтези. А теперь всё перевернулось. Я не могу

— Я понимаю, — кивнул Сайлас. — Ты можешь переночевать, отдохнуть, а завтра принять решение. Но я должен предупредить: время работает против нас. Чем дольше ты без защиты, тем больше у Аллихарда шансов найти тебя.

Евгения поднялась на ноги. Ноги всё ещё подкашивались, но она заставила себя стоять прямо.

— Пойдём. Я покажу, где ты будешь спать.

Он провёл её через просторный холл, мимо высоких книжных шкафов, вдоль картин, изображающих горные пейзажи. Они поднялись по лестнице на второй этаж, и Сайлас

открыл дверь в спальню.

Комната была светлой, с большим окном, выходящим на море. Розовый рассвет уже начинал окрашивать горизонт. В центре стояла массивная кровать с балдахином, укрытая белым бельём. У стены — письменный стол, кресло, старый гардероб из тёмного дерева.

— Это твоя комната, — сказал Сайлас, задержавшись на пороге. — В шкафу есть чистое бельё, халат, всё необходимое. Ванная — слева. Завтрак — когда проснёшься, кухня на первом этаже, готовить не обязательно — я пришлю кого-нибудь.

Он протянул ей маленькую карточку — пластиковую, с голографической эмблемой «Донорам ДА».

— Это пропуск. Он открывает все двери в доме, кроме моего кабинета. Можешь выходить в сад — там есть калитка, выходящая к пляжу, но, пожалуйста, за пределы территории — только с охраной. Это не для того, чтобы ограничивать тебя. Это для твоей же безопасности. Если Аллихард узнает, где ты, он может попытаться проникнуть сюда.

Евгения взяла карточку, и её пальцы снова дрогнули. Она хотела сказать что-то резкое, едкое, но вместо этого из горла вырвался только хриплый шёпот:

— Я просто хочу проснуться и понять, что это был сон.

Сайлас на мгновение замялся, потом тихо произнёс:

— Это не сон, Евгения. Но я обещаю: я сделаю всё, чтобы ты не пожалела о своём решении. Даже если это решение —

согласие на брак с чудовищем.

Он отошёл от двери.

— Сладких снов. Мы поговорим утром.

Дверь закрылась бесшумно, и Евгения осталась одна. Она подошла к окну, провела пальцами по холодному стеклу, глядя, как над морем разгорается заря. Волны накатывали на берег с ритмичным, успокаивающим шумом. Где-то вдалеке кричали чайки. Внутри она хотела кричать и биться, но сил на это не оставалось совсем.

— Ты хотела романтики, Женя? Хотела как в книгах и фильмах? — заговорила она в тишину комнаты. — Так получай! И вампиры, и свадьба. Правда, без любви и с риском лечь на обеденный стол вместо поросёнка. Авторы сценария сериалов про кровососов были бы в восторге, ничего не сказать

Она так и уснула в кресле, не раздеваясь, закутавшись в плед, глядя на океан. А на столике рядом лежал контракт, который должен был решить её судьбу — или окончательно её сломать.

Глава 5. Печать лжи

Здание Совета оказалось совсем не похожим на те правительственные учреждения, которые Евгения видела в фильмах. Никаких мраморных колонн и золотых гербов. Вместо этого — чёрный камень, полированный до зеркального блеска и уходящий вверх на десятки этажей. Угловатые, рубленые формы, ни одного окна на нижних уровнях. Оно больше напоминало крепость или бункер, чем место, где принимают законы.

Аэромобиль Сайласа бесшумно приземлился на посадочной платформе у входа. Евгения смотрела в окно, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. Всё внутри неё кричало: «Беги! Это безумие! Ты не можешь выходить замуж за вампира!» Но ноги не слушались, и когда дверца открылась, она механически вышла наружу, подхватив подол длинного платья.

Платье было простым, почти аскетичным: белый шёлк, без кружев и вышивки, с длинными рукавами и скромным вырезом. Сайлас сказал, что так будет правильнее — без излишеств, чтобы не привлекать внимания. На Евгении не было украшений, только маленькая брошь, которую ей дала одна из помощниц Сайласа, — тоже белая, в виде капли. Символ «Донорам ДА».

Она не смотрела на будущего мужа, когда он подал ей ру-

ку, помогая выбраться из машины. Его ладонь была на удивление тёплой. Пальцы сжали запястье с лёгкой, почти неведомой осторожностью.

— Всё будет хорошо, — произнёс он едва слышно, наклоняясь к её уху, и по коже Евгении прошло горячее дыхание, от которого не стало легче, но зажглось что-то ещё, иное, непонятное. — Просто держись рядом. И не смотри на стражников. Они просто выполняют работу.

Евгения подняла глаза и увидела у входа две фигуры в плащах. Их лица скрывали капюшоны, но из-под них пробивался слабый красный свет — глаза. Те же алые, пустые глаза, что и у тех в подземелье. Она пошатнулась, ощутив головокружение, но Сайлас крепко поддержал её за локоть.

— Они служат Совету, а не Аллихарду, — прошептал он. — Здесь ты в безопасности. Я не подпущу их близко.

Они вошли внутрь. Внутреннее пространство было ещё более мрачным, чем снаружи. Высокий сводчатый потолок терялся в полумраке, а из стен, сложенных из того же чёрного камня, сочился тусклый голубоватый свет — его испускали тонкие прожилки, вплавленные в минерал. Евгения не знала, что это: светящийся мох, магия или технология. Она перестала задавать вопросы после того, как увиденный автомобиль пронзал облака на скорости, невозможной для земных самолётов.

— Знаешь, у нас никогда не проходят регистрации в главном административном здании. У нас есть отдельное место

для этого А тут — произнесла Женя еле слышно, обводя взглядом необычные стены и потолок.

— У нас тоже. Но тут особый случай. Я имею вес в совете, в корпорации. И этот брак имеет вес для политики. Нам не подходит обычная расписальня, — как ни в чём не бывало ответил Сайлас и провёл в открытые массивные деревянные двери.

Зал регистрации оказался небольшим, почти камерным. В центре стоял каменный алтарь, покрытый тканью цвета воронова крыла. Никаких цветов, никакой музыки. Только тишина, нарушаемая гулом вентиляции.

У алтаря их ждали двое. Мужчина и женщина, оба в строгих чёрных костюмах с эмблемой Совета — переплетённые кольца, символизирующие единство крови. Их глаза были привычного красного оттенка, но в них не было хищного блеска, который Евгения запомнила в логове Аллихарда. Они смотрели на неё с профессиональным безразличием, как регистраторы в обычном ЗАГСе, — с той лишь разницей, что на их запястьях виднелись тонкие серебряные браслеты с выгравированными рунами.

Сайлас подвёл её к алтарю. Он выглядел безупречно — тёмно-серый костюм, белая рубашка, никаких украшений, кроме часов на запястье. Его лицо было спокойным, почти отстранённым, но Евгения заметила, как он сжал челюсть, когда регистраторша начала читать первый абзац ритуала.

Слова были на языке, которого Евгения не понимала, —

гортанном, с шипящими звуками. Она стояла, глядя прямо перед собой, и пыталась не думать о том, что её жизнь только что разделилась на «до» и «после».

Регистраторша закончила читать и перешла на общий язык — тот самый, на котором говорил Сайлас и все остальные в Умбиуле. И в этот момент невеста задумалась о том, как она вообще понимает всех. Вряд ли это родной русский. Решив расспросить об этом после, она обратилась в слух.

— Евгения Романова, по доброй воле ли ты вступаешь в союз с Сайласом Ист Астронта, принимая его защиту и покровительство по законам Совета?

Евгения замялась, снова ощутив, как шея сжимается, пропуская кислород крохотными порциями. Показалось, что слова застряли в том самом сдавливаемом горле. Но Сайлас, не глядя, ощутил напряжение невесты и слегка сжал её руку. Она тут же выдохнула:

— Да.

— Сайлас Ист Астронта, принимаешь ли ты Евгению Романову под свою руку, обязуясь защищать её жизнь и свободу перед лицом Совета и всего Умбиуля?

— Принимаю, — ответил Сайлас, и его голос прозвучал твёрже, чем когда-либо.

Регистраторша кивнула и подала маленькую шкатулку из чёрного дерева. Сайлас открыл её, и Евгения увидела кольцо — тонкий ободок из белого металла, на котором была выгравирована руна. Она походила на древний символ, что-то

вроде перевёрнутой буквы «А» с завитками.

— Это кольцо Защиты, — произнёс Сайлас, беря его. Он говорил тихо, чтобы слышала только она. — Внутри него спрятан маячок. Если ты его снимешь — я узнаю об этом через три секунды. Если ты окажешься в опасности — я почувствую, где ты. Это не контроль. Это безопасность.

Сердце Евгении глухо ухнуло, отбирая последние слова.

Он взял её левую руку и медленно надел кольцо на безымянный палец. Металл оказался тёплым, как и Сайлас. Кольцо идеально подошло по размеру, будто его создавали специально для неё.

— Ты теперь моя жена, — заявил он официально, глядя ей в глаза. — Согласно законам Совета, никто не имеет права причинить тебе вред. Ни Аллихард, ни его люди, ни кто-либо другой.

Он отпустил её руку. Регистраторша подала бумаги — те самые, что Евгения видела в доме Сайласа, теперь скреплённые печатью с той же руной. Евгения поставила подпись, её рука дрожала. Но она внутренне держала себя из последних сил, почти тисками, чтобы не показать слабости, не показать страха. Сайлас поставил свою — ровным, каллиграфическим почерком.

Всё. Церемония кончилась.

Без поцелуя, без объятий, без свидетелей, кроме двух молчаливых фигур в чёрном. Сайлас взял её под руку и повёл к выходу. Когда они проходили мимо стражников у входа,

те коротко поклонились — не ей, а ему, но что-то в их жесте изменилось. Теперь они смотрели на Евгению не как на товар, а как на принадлежащую кому-то важному. Это было одновременно и защитой, и клеткой.

Обратный путь в аэромобиле прошёл в молчании. Но говорить Жене не хотелось, и поэтому она мысленно благодарила новоиспечённого мужа за то, что не пытается сблизиться и не лезет в душу.

День оказался долгим, важным и до колотья в висках изматывающим. Начался он ещё под серым небом Ижевска. Женя разносила кофе и закуски, а потом стала закуской сама. Затем — такое же внезапное спасение, как и похищение, и теперь — свадьба.

«Хотя вернее было бы назвать это заключением контракта. Выгода, ничего больше. Он продвигает свою политику, чтобы защитить таких, как я, ну а мне достаётся право на жизнь», — раздумывала Евгения.

Сайлас сидел напротив, просматривая какие-то документы на планшете и не поднимая глаз. Евгения, погружённая в свои мысли, которые сбились в хаос где-то под коркой, смотрела в окно. Внизу проплывал Хаммист — гигантский город с неоновыми вывесками, летящими машинами и странными башнями, уходящими в самое небо. Ей казалось, что она смотрит на чужую, незнакомую планету. А в груди чёрным пятном разливалась непонятная тоска.

Дом встретил их тишиной и запахом моря.

Море На Земле Евгения так и не увидела его ни разу. Выходцам из Детского Дома вообще непросто ориентироваться в мире. Ты либо борешься за место даже не под солнцем,

а так, где-то возле, либо просто спиваешься. Алкоголь Женья не любила, не испытывала той радости, о которой говорили знакомые. Оттого и не вписывалась ни в одну компанию. Оставалось глупо и безрезультатно бороться против системы, где ты получаешь крохи, чтобы хоть как-то выжить. И в этой схеме ни о каком море и речи не было. Оттого девушка уже давно оставила мечты о путешествиях. Хотя в детстве грезилась о том, что непременно исколесит весь мир.

— Вот тебе и путешествие, Женья! Самое настоящее. И море, и летающие машины, и даже вампиры — еле слышно пробубнила Евгения, заходя в дом.

Сайлас ничего не ответил, сделав вид, что не слышит её слов, направленных самой себе. Он сделал несколько шагов и проводил её до лестницы, остановившись на первой ступеньке.

— Твоя комната готова, — произнёс он. — Ванная тёплая, постель свежая. Если хочешь есть — на кухне есть всё. Я буду в кабинете, если понадобится.

Жене эта речь показалась простой и сухой, как если бы она была гостьей, которую совсем не ждали.

«Но, видимо, так оно и есть. Вряд ли он горел желанием заполучить её в жёны или вообще жениться. А тут свалилась на голову» — пронеслось в мыслях девушки, но она промолчала. Просто кивнула, не оборачиваясь.

Впереди её ждала первая ночь в доме вампира, если не считать тех нескольких часов сна после спасения из лап Ал-

лихарда.

Евгения сидела у окна в своей спальне, поджав ноги и глядя на бескрайнее море. Оно завораживало своей мрачной ночной красотой. Луна поднялась высоко, и её свет дрожал на волнах, разбиваясь на тысячи серебряных осколков. Где-то внизу, под обрывом, размеренно шумел прибой — убаюкивающий, вечный.

Она не спала. Руки лежали на коленях, и на безымянном пальце тускло блестело кольцо. Простое, гладкое, почти невесомое. Евгения провела по нему большим пальцем, чувствуя едва заметную выпуклость руны.

«Я замужем, — думала она. — За вампиром. На год».

Где-то в доме, в другом крыле, спал Сайлас. Или не спал. Вампиры вообще спят? Она не знала. Она ничего о нём не знала. Только то, что он спас её и что такие же, как он, — вампиры — втянули её в этот безумный мир. И теперь у неё нет даже права на выбор.

«Но стоит ли такая жизнь этого самого выбора? Может, стоило не сопротивляться, и всё закончилось бы гораздо быстрее и проще?» — проскочило в мыслях, и она покосилась на море. «Нет, нельзя сдаваться. Это всего лишь ночь. А самая тёмная, глухая и опустошающая ночь перед рассветом. Значит, стоит подождать рассвет Или не этот, а следующий Какой-то из них просто обязан быть спасением из тьмы ужаса?»

Женя глядела на волны, и странное спокойствие опуска-

лось на неё. Море было настоящим. Волны, ветер, запах соли — это не могло быть подделкой. Это оставалось реальным, даже когда всё вокруг казалось кошмаром.

— Не знаю, какое оно у нас на Земле, но ощущение, что во всех мирах океаны и моря имеют свою особенную умиротворяющую энергетику.

Пальцы коснулись кольца. Она могла бы снять его. Просто стащить с пальца, пока он не видит, и проверить, прибежит ли он. Ведь он сказал, что узнает. Но что-то останавливало её. Не страх. Не доверие. Просто странное чувство, что это кольцо — единственная ниточка, связывающая её с этим миром, единственная гарантия, что она не исчезнет бесследно, как те люди в кле

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.